

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПОВЕДЕНИЯ В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Л.И. Шаповалова

УО "Могилевский государственный
университет им. А.А. Кулешова",
г. Могилев, Белоруссия

Территория могилевско-смоленского пограничного региона, находится на пересечении генетически родственных языков и культур. Исторические геополитические сдвиги, смешанный белорусско-русский этнический состав населения, специфика социально-экономических и культурных связей, языковых контактов предопределили формирование на данной территории единого этнолингвистического региона, в пределах которого исторически сложились относительно однородные переходные говоры: они возникли в ре-

зультате интерференции, при которой на язык-основу (русскую, белорусскую) "наслаиваются" системные отношения другого языка, причем доминантные системные показатели белорусского языка постепенно ослабевают по мере его продвижения на восток, а показатели русского языка – при его продвижении на запад. Вполне очевидно, что в говорах могилевско-смоленского пограничья (МСП) на всех уровнях языка органически сочетаются, образуя единое целое, белорусские и русские языковые элементы.

Материал картотеки "Словаря могилевского-смоленских пограничных говоров" (СМСПГ) свидетельствует, что фразеологический фонд говоров МСП объединяет разные по сфере употребления фразеологические единицы (ФЕ). Но основу его составляют диалектные фразеологизмы – устойчивые сочетания с некротическими элементами, с компонентами, созвучными диалектным словам или идентичные им, а также ФЕ с диалектным значением.

Характерная особенность фразеологизмов МСП (как, впрочем, и диалектной фразеологии вообще) – их ярко выраженная образно-эмоциональная окраска. Эмоционально окрашенные ФЕ в силу своей экспрессивности употребляются, в частности, для оценочной характеристики поведения человека. Общеизвестно, что поведение тесно связано с обычаями, традициями, ритуалами и в целом – культурой каждого народа, поэтому фразеологизмы поведения говоров МСП в определенном смысле отражают особенности восточнославянского менталитета.

Подавляющее большинство экспрессивно-оценочных фразеологизмов поведения говоров МСП содержит негативную коннотацию, что, на наш взгляд, объясняется, с одной стороны, свойством человеческой природы остро реагировать на всё плохое и редко замечать хорошее. А с другой стороны, во фразеологизмах поведения народ выражает свое негативное отношение к различным человеческим порокам. Д.Н.Шмелев отмеал, что преобладание негативной экспрессии характерно и для русских слов: "Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в словах, в которых экспрессивная оценка выражена не специальными средствами, ... проявляется главным образом отрицательная экспрессия, именно её отражает достаточно дифференцированная система помет в словарях. Между тем для отражения положительной экспрессии, по существу, и нет помет, если не считать пометы "ласкательное", применяемой в редких случаях, да и то не во всех словарях. Пометами же отрицательными – "неодобрительное", "презрительное", "уничжительное", "пренебрежительное", указывающими на то, что значения слов осложнены именно отрицательными экспрессивными элементами, отмечено большое количество слов [5, с.165-166].

Экспрессивно-оценочные фразеологизмы поведения говоров МСП образуют семантическое поле, в котором на основе ассоциативно-образной близости выделяются различные семантические группы (СГ): а) ФЕ, отражающие трудовое поведение людей со значением "бездельничать": *балды бить*; б) ФЕ, отражающие речевое общение: *городить верзюю, (дурню, дурню)* – 'пусто-

словить', *баламутку пускать* 'сплетничать'; в) ФЕ, отражающие агрессивное поведение: *вяза (вяза) свернуть* 'сильно избить, искалечить'; г) ФЕ, отражающие людскую зависть, спесь, гордыню: *дыбарем стоять (становиться)* 'вести себя заносчиво'; д) ФЕ, отражающие пристрастие к пьянству, выпивке: *цмыкать горелку*; е) ФЕ, отражающие распутное поведение: *пойти в загульни (забегульки)* и др. Незначительную группу составляют ФЕ положительной коннотации: *иметь стыд на белме* – о совестливых людях. В этом перечне наиболее представительной является первая СГ, объединяющая ФЕ со значением "бездельничать". Как отмечает В.Н.Телия, "характерологической чертой славянского менталитета является установка на трудовую деятельность, которая в библейской формулировке предписывает "трудиться в поте лица", чтобы пожинать плоды труда своего. Поэтому содержание позитивной культурно-национальной коннотации ФЕ ориентировано на активную плодотворную трудовую деятельность, ср. русск. *все в руках горит*, белор. *руки гараць ад работы*. Коннотация ФЕ "бездельничать" обусловлена нарушениями характерологической установки на плодотворную трудовую деятельность [4, с.231].

Синонимический ряд рассматриваемой СГ включает фразеологизмы, однотипные по структуре, представляющие собой сочетание глагола и имени существительного. Подавляющее большинство из них построено по модели "стержневой компонент *бить* + существительное во множественном числе": *байды (байдики) бить, балды бить, бадуи бить, бизики бить, баклонки бить, бэстальи бить, брынды (блынды, рынды) бить, дрынды (дрынки) бить, глузды бить*. Белорусский фразеолог И.Я.Лепешев считает эту модель довольно продуктивной в восточнославянских языках и в подтверждение приводит аналогичные ФЕ в белорусском, украинском и русском языках [3, с.23]; другой белорусский ученый А.С.Аксамитов отмечает указанную модель среди белорусско-русских изофразем с диалектными компонентами [1, с.209]. ФЕ иных моделей в пределах сочетания "глагол + имя существительное" единичны: *комы тереть, балду гонять, гультики справлять, гули править, гбать луня, лягушкам глаз колоть, бить долбню*. Особняком стоит фразеологизм *гульма гулять*, построенный на тавтологическом сочетании однокорневых слов.

Стержневым компонентом ФЕ со значением "бездельничать" является глагол, поэтому во всех контекстах-иллюстрациях СМСПГ такие фразеологизмы употребляются в функции сказуемого; смыслообразующим центром выступает диалектный именной компонент. Если смыслообразующим компонентом фразеологизма является диалектное слово со свободным употреблением в говорах МСП, то можно проследить общее направление процесса формирования ФЕ (фразеологизации), определить мотивацию образования устойчивого сочетания.

Как известно, ФЕ формируются на базе свободных словосочетаний в результате метафорического переосмысления последних. Многие ФЕ анализи-

руемой семантической группы генетически восходят к свободному словосочетанию, построенному по модели "глагол *бить* + имя существительное во множ. числе". По этой модели построена русская изофразема *бить баклуши*, процесс формирования которой весьма показателен. В Толковом словаре В.И.Даля приводится исходное значение слова *баклуша* – 'чурка, болван, приготовленный для токарной выделки щепеной посуды, чашки, стояка, ложки'. Далее отмечается: "Бить баклуши, готовить болваны эти, складывать негодную в деле блонь, скалывать горбыльки, притесывать баклуши вчерне, этим занимаются лесники, а выделкой посуды – токари и ложкари; у первых из баклуши ничего не выходит, почему *бить баклуши* – шататься без дела, повесничать, заниматься шалью" [2, I, с.40]. Представленная В.И.Далем прототипная ситуация позволяет выделить 3 этапа фразеологизации свободного словосочетания *бить баклуши*: обычная работа (исходное значение свободного словосочетания) → пустая непроизводительная работа (семантический сдвиг: сужение исходного значения) → безделье (образно-метафорическое значение). Сущность фразеологизации заключается в том, что на нейтральную характеристику труда наслаивается "поведенческая" характеристика с негативно-оценочным значением, в результате чего исходное значение труда превращается в свою противоположность – бездельничанье. Мотивация образования фразеологизма *бить баклуши* может быть выражена формулой: "заниматься мелким, непроизводительным делом → бездельничать". Субстантивный компонент ФЕ *бить баклуши*, по всей вероятности, является диалектным словообразовательным вариантом компонента *баклуши*, и, следовательно, мотивация образования ФЕ *бить баклуши* аналогична приведенной выше мотивации образования русской изофраземы.

Другие фразеологизмы МСП со значением "бездельничать", построенные по модели "*бить* + имя существительное во множ. числе", возникли аналогичным путем, хотя исходное значение свободного словосочетания, мотивирующего образование той или иной ФЕ, семантический сдвиг, образно-метафорическое переосмысление могут быть различными. ФЕ *брынды бить* в белорусский язык и в говоры МСП проникла из условно-профессионального языка ремесленников-шерстобитов (шаповалов), где *брындой* назывался инструмент, которым отбивали сложенную слоями шерсть при изготовлении войлока. Шаповальский промысел был примитивным, трудовые операции не требовали значительных физических затрат, поэтому в сознании окружающих такие действия приравнивались к бездействию, "ничего неделанью". ФЕ *байды (байдики) бить* включает, по мнению И.Я.Лепешева, устаревшие наименования речных судов на Днепре и его притоках (*байд, байдик*), что подтверждается сохранившимся в говорах МСП словом *байд* 'рыбачья лодка'. Работа на них людей, нанятых на период навигации, казалась легким делом, пустяковым занятием тем, кто на это время оставался один вести крестьянское хозяйство. В этой этимологической версии, предложенной И.Я.Лепешевым,

просматривается мотивация образования фразеологизма: выполнять легкую работу, не требующую физических усилий → бездельничать. Субстантивный компонент ФЕ *бить балуи* имеет в смоленских говорах созвучное слово свободного употребления: здесь *балуём* называют глупых, умственно отсталых мужчин. Отсюда мотивация образования фразеологизма: ничего не делать по причине умственной отсталости → бездельничать.

ФЕ анализируемой семантической группы отражают негативное отношение к безделью, свойственное славянскому менталитету, осуждение открытого пассивного бездействия. Лингвокультурологи считают, что осуждение или пренебрежительное отношение к безделью – общечеловеческая универсалия, но её языковое воплощение во фразеологизмах зависит от характерного для данной культурно-языковой общности мировидения.

Литература

1. Аксамітаў А.С. Беларуская фразеалогія. Мінск, 1978. 224 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-4. М., 1955.
3. Лепешаў А.С. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск, 1981. 160 с.
4. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.
5. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: лексика. М., 1977. 335 с.